

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

А. В. Пермяков*

Корпоративное управление: баланс между императивностью и диспозитивностью

***Аннотация.** Статья посвящена анализу некоторых положений Гражданского кодекса РФ, касающихся корпоративного управления. Автор отмечает в целом сбалансированный подход законодателя к правовому регулированию корпоративных отношений, что, в частности, проявляется в последовательном усилении и ослаблении императивных начал при точечном регулировании вопросов, связанных с рассматриваемым вопросом. Вместе с тем, взвешенность позиции законодателя не исключила наличия разного толкования правоприменителями одних и тех же положений законодательства. На практике это привело к формированию противоположных правовых позиций судебных и несудебных правоприменительных органов в части порядка удостоверения решений собраний хозяйственных обществ. Причинность различия в правоприменительных подходах проистекает из разных приемов толкования права и его понимания в целом. Преодоление возникшей диаметральнойности возможно посредством конституционных принципов равенства и справедливости, к которым обращается Конституционный Суд РФ при рассмотрении дел в порядке конституционного судопроизводства.*

Ключевые слова: корпоративное управление, решения собраний, хозяйственные общества, единственный участник (акционер)

DOI 10.17803/1994-1471.2017.74.1.142-150

С принятием Федерального закона от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ¹ (далее — Закон № 99-ФЗ) усовершенствовалось правовое регулирование отношений, связанных с корпоративным управлением. Новеллы, безусловно, привели к их упорядочиванию, что в текущей ситуации позволяет участникам гражданского оборота

более четко и ясно выстраивать модель поведения, при которой в наибольшей степени обеспечены их права и законные интересы. Однако небольшой по меркам правовой истории опыт применения указанных положений вскрыл наличие в них некоторых особенностей, закрепление которых с одной стороны

---

¹ Федеральный закон от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 05.05.2014.

© Пермяков А. В., 2017

* Пермяков Антон Викторович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Института государства и права Тюменского государственного университета
permyakov.antony@gmail.com
625000, Россия г. Тюмень, ул. Ленина, д. 38

имело определенную цель, но с другой — привело к некоему замешательству участников гражданских (корпоративных) отношений.

В Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (п. 1.2. Раздела III)² отмечалось, что большинство общих положений Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) о юридических лицах является общепринятым и не требует каких-либо кардинальных обновлений; лишь некоторые из них нуждаются в определенном уточнении и совершенствовании. И действительно, если посмотреть на произошедшие изменения в гражданско-правовом регулировании корпоративных отношений, то на первый взгляд покажется, что изменения носили скорее точечный (уточняющий), нежели кардинальный характер.

С одной стороны, произошедшие изменения «ослабили» императивность правового регулирования. Участники отношений получили большую свободу усмотрения в выборе отдельных правовых конструкций, что следует оценить сугубо положительно. Например, законодательно снятое ограничение на возможность расширения компетенции общего собрания уставом общества (п. 2 ст. 65.3 Гражданского кодекса РФ) позволяет участникам отнести решение некоторых вопросов сугубо к компетенции высшего органа, тем самым повысив их значимость, чем обеспечить действенную защиту своих прав и законных интересов. При

этом «обратное движение» полномочий — от общего собрания к органу, находящемуся ниже по иерархии — не допускается, если они составляют исключительную компетенцию общего собрания акционеров (участников) корпорации (п. 2 ст. 65.3 и ст. 67.1). Применительно к непубличным хозяйственным обществам законодатель пошел еще дальше, закрепив возможность рационального распределения компетенции между органами управления (п. 3 ст. 66.3 ГК РФ).

С другой стороны, произошло законодательное ужесточение законодательных требований. В частности, это коснулось вопросов, связанных с принятием уполномоченным органом юридического лица решений, что было предопределено сложностью конструкции и процессов волеобразования и волеизъявления применительно к юридическим лицам³. Не вдаваясь в проистекающую из данного обстоятельства дискуссию о правовой природе решений собраний (о наличии сделочной природы, двуличности решений собраний и т.д.)⁴, лишь отметим, что законодатель пошел по пути компромисса. С одной стороны, положения о решениях собраний помещены в один подраздел со сделками (Подраздел 4 ГК РФ), чем терминологически обозначен их сделочный характер. С другой стороны, в ГК РФ для решений собраний предусмотрена отдельная глава 9.1., отсутствует четкое дефинитивное отождествление решений собраний со сделками⁵,

² Вестник ВАС РФ. № 11. 2009.

³ В отличие от физических лиц у юридических лиц весь процесс может быть представлен следующей формулой: волеобразование — волеопределение — волеизъявление. См.: Сирота Е. Г. Акты поднормативного регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 22 с.

⁴ См., напр.: *Иванишин П. З.* Решение собрания как основание возникновения гражданских прав и обязанностей // *Гражданское право.* 2011. № 2. С. 8 — 12.; *Козлова Н. В.* Правосубъектность юридического лица. М., 2005. С. 227; *Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В.* Односторонние и многосторонние сделки // *Вестник ВАС РФ.* 2012. № 7. С. 125 — 134; п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Судов РФ от 02.04.1997 г. № 4/8 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» // *Российская газета.* 23.04.1997; п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Судов РФ от 09.12.1999 г. № 90/14 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // *Российская газета.* 27.01.2000. № 19; п. 26 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.11.2003 г. № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» // *Вестник ВАС РФ.* 2004. № 1.

⁵ Если сделка — это действие (ст. 153 ГК РФ), то решение собрания лишь порождает правовые последствия (ст. 181.1 ГК РФ).

решение собраний рассматривается как отличное от сделок основание возникновения гражданских прав и обязанностей (пп. 1.1 абз. 2 п. 1 ст. 8 ГК РФ). Поэтому и возникла потребность в закреплении самостоятельных требований к форме и содержанию решений собраний, а также отдельно прописывать основания их недействительности.

Применительно к хозяйственным обществам законодатель также ввел специальные нормы о порядке подтверждения принятия общим собранием участников хозяйственного общества решения и состава участников общества, присутствовавших при его принятии (ст. 67.1 ГК РФ), что было продиктовано сложившейся практической потребностью в защите прав и законных интересов их участников.

При всей кажущейся логичности и последовательности нормы ст. 67.1 ГК РФ она не содержит указания на порядок ее применения к решению единственного участника или акционера. К этому вопросу на практике сложилось два диаметральных подхода.

В Письмах Федеральной нотариальной палаты от 01.09.2014 г. № 2405/03-16-3, Банка России от 18.08.2014 № 06-52/6680⁶, от 25.11.2015 № 06-52/10054⁷ указывается, что на общества, состоящие из одного участника или акционера, положения ст. 67.1 ГК РФ не распространяются. Позиция мотивирована тем, что решения в таких обществах принимаются единственным участником (акционером) и оформляются письменно, а положения о порядке и сроках подготовки, созыва и проведения общего собрания участников (акционеров) не применяются, за исключением положений, касающихся сроков проведения годового общего собрания (ст. 39 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»⁸ (далее — Закон об обществах с ограниченной ответственностью), п. 3 ст. 47 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ

«Об акционерных обществах»⁹ (далее — Закон об акционерных обществах).

Иной подход выработан Арбитражным судом Западно-Сибирского округа в Рекомендациях научно-консультативного совета, утвержденных Президиумом суда от 08.07.2015. Отмечается, что каких-либо исключений по порядку удостоверения решений хозяйственных обществ, состоящих из единственного участника (акционера), не установлено. Следовательно, решения единственного участника (акционера) хозяйственного общества подлежат нотариальному удостоверению либо удостоверению регистратором. Подход оправдан в том отношении, что позволяет исключить корпоративные захваты юридических лиц с единственным участником, и он уже стал проявляться в судебной практике.

Так, Арбитражный суд Новосибирской области в Решении от 05.02.2016 по делу А45-25807/2015 удовлетворил иски заявителя и признал недействительным решение учредителя Общества о смене генерального директора, адреса юридического лица, включении в состав участников иного лица. Суд, в частности, указал, что институт удостоверения решений обществ, указанных в главе 9.1 была введена в ГК РФ с целью обеспечения достоверности ЕГРЮЛ и борьбе со злоупотреблениями, в связи с чем для общества, состоящего из одного участника исключений не имеется. Арбитражный суд Хабаровского края в Решении от 09.03.2016 по делу А73-17439/2015 со схожими фактическими обстоятельствами указал, что решение единственного акционера также подлежало нотариальному удостоверению.

Одной из причин различия в подходах является способ толкования, избранный правоприменителем.

Федеральная нотариальная палата РФ и Банк России толкуют норму, используя систем-

⁶ Вестник Банка России. 2014. № 74. В настоящий момент указанное письмо не подлежит применению (Письмо Банка России от 25.11.2015 г. № 06-52/10054).

⁷ Вестник Банка России. 2015. № 111.

⁸ Собрание законодательства РФ. 16.02.1998. № 7. Ст. 785.

⁹ Российская газета. 29.12.1995. № 248.

ное толкование, — применяют положения ГК РФ в системной взаимосвязи с соответствующими законами о хозяйственных обществах. Однако в соответствии с п. 4 ст. 3 Закона № 99-ФЗ, которым введен в действие п. 3 ст. 67.1 ГК РФ, положения специальных законов до момента приведения их в соответствие с ГК РФ применяются в части, не противоречащей ГК РФ. А законы о хозяйственных обществах в этой части как раз и противоречат ГК РФ.

Арбитражный суд Западно-Сибирского округа толкует норму буквально. Однако данная норма закрепляет исключение из общего правила, поскольку к решениям остальных юридических лиц такие требования не выдвигаются. Исходя из выработанных мировой юридической практикой принципов толкования, к исключениям из правил расширительное и буквальное толкование не подлежит применению, поскольку в противном случае исключение из правил может быть возведено в ранг самого правила, что недопустимо. Следует толковать норму ограничительно, т. е. не распространяя ее действие на тех, кто в этой норме не поименован.

Другая причина диаметральной заложенности в подходах к пониманию права в целом. Для естественно-правовой концепции характерно признание прав вне зависимости от соблюдения формального критерия в виде закрепления их в соответствующем акте (рассматривается не только и не столько внешняя составляющая, а скорее внутреннее содержание, скажем, условно «дарованное» от природы). Соответственно, если единственный участник (акционер) выразил свою волю во вне самостоятельно, его воля не нарушает интересы других лиц и не может в принципе нарушать, поскольку иные участники (акционеры) попросту отсутствуют, то смысла уничтожать решение нет. Для юридического позитивизма характерно понимание права как совокупности норм, исходящих от государства и им обеспечиваемых.

В таком случае появляется смысл в уничтожении такого решения — несоответствие законодательно требуемой форме¹⁰.

По смыслу правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 23.12.2013 № 29-П¹¹, в случаях, когда толкование нормы права официальными актами государственных, в том числе судебных, органов не устраняет — вследствие наличия различных вариантов ее интерпретации — неясность правового регулирования, при решении вопроса о том, какой из этих вариантов применим для установления прав и обязанностей участников соответствующих правоотношений, необходимо исходить из конституционных принципов равенства и справедливости, а также требования формальной определенности норм, с тем чтобы избежать нарушения универсальных начал правового регулирования и правоприменения, вытекающих из статей 1 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Иными словами, рассматриваемая норма должна обеспечивать равенство правовых возможностей и правовых требований для всех лиц, отношения с участием которых она регулирует. В противном случае действительность правового регулирования пошатнется, что приведет к предоставлению одним участникам гражданского оборота необоснованного предпочтения по отношению к другим. Поскольку в рассматриваемой норме идет речь в целом о юридических лицах, без какого-либо исключения, то применяемое в рассматриваемой ситуации практическое деление на лиц с одним участником (акционером) и с несколькими не оправдано. В то же время само существо действия по удостоверению нотариусом или регистратором решения единственного участника или акционера, кажущееся на первый взгляд излишним, непонятным и нелогичным, поскольку воля лица и так выражена во вне,

¹⁰ Естественно, мы не берем во внимание, что любая сделка может быть уничтожена при условии явного ущерба для юридического лица на основании п. 2 ст. 174 ГК РФ (п. 2 постановления Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» // Вестник ВАС РФ. № 6. 2014).

¹¹ Собрание законодательства РФ. 06.01.2014. № 1. Ст. 79.

такowym по своей сути не является. Не стоит забывать, что закон уже предусматривает ряд случаев, когда односторонняя сделка или иные односторонние действия, прямо не влекущие наступление правовых последствий, подлежат удостоверению в особом порядке. Например, завещание (ст. 1125 ГК РФ), доверенность (ст. 185.1 ГК РФ), согласие супруга на совершение сделки по распоряжению недвижимостью и сделки, требующей нотариального удостоверения и (или) государственной регистрации¹² (ст. 35 Семейного кодекса РФ¹³), решение единственного участника общества с ограниченной ответственностью об увеличении уставного капитала (ст. 17 Закона об обществах с ограниченной ответственностью). И причина такого удостоверения ровно та же, что и в рассматриваемом случае — исключить недобросовестное поведение, подтвердить действительность воли и обеспечить реализацию прав в полном соответствии с интересами самого лица.

Такое понимание положений ст. 67.1 ГК РФ, находящееся в противопоставлении со складывающейся несудебной практикой, естественным образом влечет соответствующие правоприменительные последствия.

Согласно п. 107 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹⁴ (далее — Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25) решения очных собраний участников хозяй-

ственных обществ, не удостоверенные нотариусом или лицом, осуществляющим ведение реестра акционеров и выполняющим функции счетной комиссии, в порядке, установленном пп. 1—3 п. 3 ст. 67.1 ГК РФ, если иной способ удостоверения не предусмотрен уставом общества с ограниченной ответственностью либо решением общего собрания участников такого общества, принятым участниками общества единогласно, являются ничтожными применительно к п. 3 ст. 163 ГК РФ. Положения п. 1 ст. 165 ГК РФ не применяются к решениям собраний участников хозяйственных обществ, поскольку исполнение судом отсутствующего нотариального удостоверения допускается только в случаях, указанных в данной норме. Аналогично решения единственного участника или акционера, не удостоверенные в порядке ст. 67.1 ГК РФ, являются ничтожными, не влекут юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с его недействительностью, и недействительны с момента его совершения. Как следствие, для сделки, неразрывно связанной с таким решением собрания, наступают два возможных правовых последствия — оспоримость либо ничтожность.

Оспоримость возникает, например, в том случае, когда сделка является крупной или с заинтересованностью и для ее совершения требуется одобрение единственного участника или акционера (п. 6 ст. 79 Закона об акционерных обществах, п. 5 ст. 46 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, п. 1 По-

¹² В данном случае мы не вдаемся в существо правовой дискуссии о правовой природе согласий. Отметим лишь, что в юридической литературе существуют разные подходы к определению согласия и его правовой природы. Преобладающим является рассмотрение согласия как односторонней сделки. См., например: Бабаев А. Б. Односторонние сделки в системе юридических фактов // Сделки: проблемы теории и практики: Сб. статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2008. С. 149; Новоселова Л. А. Согласие должника на уступку требования // Сделки: проблемы теории и практики: Сб. статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2008. С. 172; Реутов С. И. Правовые особенности удостоверения согласия супруга при совершении сделок // Бюллетень нотариальной практики. 2002. № 1. С. 19; Скобликова Е. Л. Правовая природа согласия супруга на совершение сделки другим супругом по распоряжению общим имуществом: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 7; Шершень Т. В. Проблема определения правовой природы и возможности отказа согласия супруга на совершение сделки по распоряжению общим имуществом // Второй пермский конгресс ученых-юристов: Материал междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 28 — 29 октября 2011 г.) / Отв. ред. О. А. Кузнецова. Пермь, 2011. С. 220.

¹³ Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.

¹⁴ Российская газета. 30.06.2015. № 140.

становления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью»¹⁵). Наличие письменного решения единственного акционера об одобрении сделки будет подтверждать лишь факт его осведомленности о совершенной сделке. Единственным последствием будет являться начало течения срока исковой давности, поскольку законодательством РФ не предусмотрена возможность последующего одобрения или придания действительности решению, являющемуся ничтожным вследствие порока формы.

В такой ситуации кредитору в целях обеспечения своих интересов следует заручиться письменным уведомлением должника, подписанным единоличным исполнительным органом и самим единственным участником (акционером), о том, что он обращался к регистратору (нотариусу) с просьбой удостоверить решение единственного участника, но в удостоверении было отказано, с просьбой принять одобрение в простой письменной форме, а также получить от должника письменный отказ регистратора (нотариуса) в удостоверении решения по изложенному выше мотиву. Эти документы позволят минимизировать правовые риски на случай предъявления единственным акционером либо самим обществом (п. 5 ст. 46 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, п. 6 ст. 79 Закона об акционерных обществах) иска о признании сделки недействительной.

Наличие волеизъявления единственного участника (акционера) и самого общества, направленного на сохранение сделки и его исполнение, будет свидетельствовать о недобросовестности указанных лиц. Их поведение до и после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки, свидетельствовало о наличии воли на сохранение сделки, а также (возможно) не

причинило вреда единственному акционеру и самому обществу. В таком случае заявление о недействительности сделки (требование, предъявленное в суд, возражение ответчика против иска и т.п.) не будет иметь правового значения, а сама сторона не вправе оспаривать эту сделку по основанию, о котором она знала, когда проявляла волю на сохранение сделки (п. 4 ст. 1, ст. 10, п. 2, п. 5 ст. 166 ГК РФ, п. 70, п. 72 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25). Тем самым оспоримость сделки поражается принципом добросовестности (точнее недобросовестностью лица, оспаривающего сделку), применению которого предшествуют право-обеспечительные действия самого кредитора.

Несколько сложнее обстоит дело в случае, когда ничтожность решения собрания влечет за собой ничтожность сделки. В частности, это касается вопроса о назначении единоличного исполнительного органа хозяйственного общества. Здесь мы возвращаемся к проблеме так называемых «лжедиректоров»¹⁶. Единоличный исполнительный орган *de facto* осуществляет полномочия в полном соответствии с волеизъявлением единственного участника (акционера), но *de jure* таковым не является, поскольку его волеизъявление является ничтожным, не влечет и не способно влечь наступление юридических последствий для лица (Постановления Высшего Арбитражного Суда РФ от 11.11.2008 № 10018/08, от 02.06.2009 № 2417/09, от 03.11.2009 № 9035/09, от 22.12.2009 № 9503/09). Возникает правовая неопределенность: с одной стороны, на чаше весов поступательное развитие гражданского оборота, его стабильность и интересы добросовестного контрагента, а с другой — отсутствие должных полномочий у лица и, презюмируем, интересы добросовестного юридического лица.

В целях разрешения такой неопределенности были внесены изменения в положения ст. 51 ГК РФ, в соответствии с которыми лицо, до-

¹⁵ Вестник ВАС РФ. 2014. № 6.

¹⁶ Лицо, сведения о котором были включены в ЕГРЮЛ как о лице, имеющем право действовать от имени юридического лица без доверенности (единоличном исполнительном органе), однако в последующем корпоративный акт, положенный в основу внесения этих сведений (как правило, решение общего собрания участников юридического лица), был признан недействительным.

бросовестно полагающееся на данные единого государственного реестра юридических лиц, вправе исходить из того, что они соответствуют действительным обстоятельствам. Однако заложенные в норме права критерии публичной достоверности и добросовестности контрагента не могут в своей совокупности перевесить ничтожность сделки, вызванную пороком формы связанного с ней решения¹⁷, поскольку опять же законодательством РФ не предусмотрена возможность последующего одобрения или придания действительности решению, являющемуся ничтожным вследствие порока формы, равно как и не предусмотрена возможность считать ничтожную по форме сделку действительной даже при ее последующем одобрении субъектом. В такой ситуации конвалидация сделки, в том числе на основании ст. 51 ГК РФ, невозможна¹⁸.

В то же время правовая значимость соответствующего заявления юридического лица, участника (акционера) о ничтожности сделки может быть исключена при недобросовестности указанных лиц (п. 5 ст. 166 ГК РФ, п. 70 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25). В таком случае сделка не становится действительной, но последствия недействительности не наступают, двусторонняя реституция не применяется, а условно порожденные ей правовые последствия продолжают существовать. Тем самым для сохранения status quo при ничтожности сделки (в отличие от оспоримости) как последствия ничтожности решения собрания требуется в совокупности несколько оснований — публичная достоверность сведений из ЕГРЮЛ, добросовестность контрагента, недобросовестность самого общества или лица, заявляющего о ничтожности сделки. Отсутствие любого из них приводит к невозможности конвалидации сделки

и необходимости применения двусторонней реституции.

Система корпоративного управления, заложенная в ГК РФ и соответствующих специальных нормативных актах, в целом довольно ясная и четкая. Нормы сконструированы системно, позволяют должным образом учесть возможные варианты ситуаций, попадающих в правовое поле. При этом в вопросах правового регулирования законодатель действует последовательно, сбалансировано применяя императивные и диспозитивные начала, тем самым обеспечивает соблюдение принципов гражданского права. Вместе с тем, неоднозначность ряда положений в совокупности с продолжающейся модернизацией гражданского законодательства РФ привели к появлению противоположных подходов к их пониманию и, как следствие, к возникновению правовых разногласий. Неоднозначность, нечеткость и противоречивость правового регулирования препятствуют адекватному уяснению его содержания, допускают возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и тем самым ослабляют гарантии защиты прав и свобод участников гражданского оборота. Преодоление указанных противоречий возможно посредством обращения к общеправовым и отраслевым принципам, что, однако, не исключает потребности в уточнении содержания некоторых правил поведения, чем будет обеспечена действенная реализация участниками гражданских правоотношений прав и законных интересов и поступательное развитие гражданского оборота.

¹⁷ В ст. 51 ГК РФ также указаны дополнительные основания, при которых поражается публичная достоверность: 1) если соответствующие данные включены в указанный реестр в результате неправомερных действий третьих лиц; 2) если соответствующие данные включены в указанный реестр иным путем помимо воли юридического лица.

¹⁸ Кроме того, в ряде случаев закон напрямую связывает ничтожность сделки с несоблюдением письменной формы. Например, кредитный договор или договор банковского вклада, заключенные с нарушением требования о письменной форме (ст. 820 ГК РФ, п. 2 ст. 836 ГК РФ).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреев В. К. Решения собраний // Цивилист. 2013. № 3. С. 63 — 72.
2. Бабаев А. Б. Односторонние сделки в системе юридических фактов // Сделки: проблемы теории и практики: сб. статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2008. С. 119 — 164.
3. Ганижев А. Я. Акты органов управления юридических лиц по российскому гражданскому праву (на примере хозяйственных обществ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
4. Забоев К. И. Публичная достоверность единого государственного реестра юридических лиц и воля юридического лица // Закон. 2015. № 3. С. 94 — 120.
5. Иванишин П. З. Решение собрания как основание возникновения гражданских прав и обязанностей // Гражданское право. 2011. № 2. С. 8 — 12.
6. Козлова Н. В. Правосубъектность юридического лица. М., 2005. 476 С.
7. Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В. Односторонние и многосторонние сделки // Вестник ВАС РФ. 2012. № 7. С. 125 — 134.
8. Ломакин Д. В. Очерки теории акционерного права и практики применения акционерного законодательства. М. : Статут, 2005.
9. Новоселова Л. А. Согласие должника на уступку требования // Сделки: проблемы теории и практики : сб. статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2008. С. 165 — 179.
10. Реутов С. И. Правовые особенности удостоверения согласия супруга при совершении сделок // Бюллетень нотариальной практики. 2002. № 1. С. 18 — 23.
11. Сирота Е. Г. Акты поднормативного регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.
12. Скобликова Е. Л. Правовая природа согласия супруга на совершение сделки другим супругом по распоряжению общим имуществом: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 20 С.
13. Шершень Т. В. Проблема определения правовой природы и возможности отказа согласия супруга на совершение сделки по распоряжению общим имуществом // Второй пермский конгресс ученых-юристов: Материал междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 28 — 29 октября 2011 г.) / отв. ред. О. А. Кузнецова. Пермь, 2011. С. 220 — 221.

Материал поступил в редакцию 12 июля 2016 г.

CORPORATE GOVERNANCE: THE BALANCE BETWEEN MANDATORY NATURE AND DISPOSITIVITY

PERMYAKOV Anton Viktorovich

PhD in Law

Senior Lecturer in Civil Law and Procedure, Institute of State and Law

Tyumen State University

permyakov.antony@gmail.com

625000, Russia, Tyumen, Lenina Str., 38

Review. *The article is devoted to the analysis of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation relating to corporate governance. The author notes the generally balanced approach of the legislator to the legal regulation of corporate relations, particularly in the progressive strengthening and weakening of mandatory basis with the dot regulation of issues related to the matter under consideration. However, considering the position of a legislator does not exclude the existence of different interpretation by the enforcers of the same laws. In practice, this has led to the formation of the opposing legal positions of judicial and non-judicial law enforcement agencies in part of the order for identifying decisions of companies' meetings. Causality of differences in enforcement approaches stems from different interpretations of the law and its understanding in general. It is possible to overcome arising controversies by means of constitutional principles of equality and justice that are addressed by the Constitutional Court of the Russian Federation when considering the cases by constitutional proceedings.*

Keywords: *Corporate governance, decisions of meetings, business companies, the only participant (shareholder)*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Andreev V. K. Reshenija sobranij // *Civilist*. 2013. № 3. S. 63 — 72.
2. Babaev A. B. Odnostoronnie sdelki v sisteme juridicheskikh faktov // *Sdelki: problemy teorii i praktiki: sb. statej / ruk. avt. kol. i otv. red. M. A. Rozhkova. M., 2008. S. 119 — 164.*
3. Ganizhev A. Ja. Akty organov upravlenija juridicheskikh lic po rossijskomu grazhdanskomu pravu (na primere hozjajstvennyh obshhestv) : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2012.
4. Zabojev K. I. Publichnaja dostovernost' edinogo gosudarstvennogo reestra juridicheskikh lic i volja juridicheskogo lica // *Zakon*. 2015. № 3. S. 94 — 120.
5. Ivanishin P. Z. Reshenie sobranija kak osnovanie vznikovenija grazhdanskih prav i objazannostej // *Grazhdanskoe pravo*. 2011. № 2. S. 8 — 12.
6. Kozlova N. V. Pravosub#ektnost' juridicheskogo lica. M., 2005. 476 S.
7. Krashennikov E. A., Bajgusheva Ju. V. Odnostoronnie i mnogostoronnie sdelki // *Vestnik VAS RF*. 2012. № 7. S. 125 — 134.
8. Lomakin D. V. Ocherki teorii akcionernogo prava i praktiki primenenija akcionernogo zakonodatel'stva. M. : Statut, 2005.
9. Novoselova L. A. Soglasie dolzhnika na ustupku trebovanija // *Sdelki: problemy teorii i praktiki : sb. statej / ruk. avt. kol. i otv. red. M. A. Rozhkova. M., 2008. S. 165 — 179.*
10. Reutov S. I. Pravovye osobennosti udostoverenija soglasija suprugov pri sovershenii sdelok // *Bjulleten' notarial'noj praktiki*. 2002. № 1. S. 18 — 23.
11. Sirota E. G. Akty podnormativnogo regulirovanija korporativnyh otnoshenij v hozjajstvennyh obshhestvah : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2004.
12. Skoblikova E. L. Pravovaja priroda soglasija suprugov na sovershenie sdelki drugim suprugom po rasporyazheniju obshhim imushhestvom: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2011. 20 S.
13. Shershen' T. V. Problema opredelenija pravovoj prirody i vozmozhnosti otkaza soglasija suprugov na sovershenie sdelki po rasporyazheniju obshhim imushhestvom // *Vtoroj permskij kongress uchenyh-juristov: Material mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Perm', 28 — 29 oktjabrja 2011 g.) / otv. red. O. A. Kuznecova. Perm', 2011. S. 220 — 221.*